

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

АРН. ЧИКОБАВА

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ
К ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ И СЕВЕРОКАВКАЗСКИМ ЯЗЫКАМ

В докладе Научного совета по теории советского языкознания за 1966 г. между прочим, сказано: «... в трудной области сравнительного изучения кавказских языков — как горских северокавказских, так и картвельских — следует отметить интенсивную и плодотворную работу, ведущуюся в Тбилиси и в Москве. В особенности исследования Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани о системе сонантов и аблаута в картвельских языках увенчались научным открытием большого масштаба, имеющим важное значение как для лингвистической теории вообще, так и для истории других (в частности, индоевропейских) языков»¹.

К сожалению, — возможно, из-за недостатка места, — ничего не сказано, в чем, собственно, состоит важное значение данного труда для лингвистической теории, вообще, и, в частности, для индоевропейских языков.

Что же касается значения данного исследования для «истории других языков», конкретно, для истории картвельских и горских иберийско-кавказских (северокавказских) языков, это заслуживает рассмотрения, несмотря на то, что уже опубликованы три рецензии²: в этих рецензиях основной вопрос остался вне поля зрения их авторов.

Монографическое исследование Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» (Тбилиси, 1965; на груз. яз.; сокращенное изложение основного текста на русск. яз. стр. 384—474) — работа исключительно интересная и по выводам, и по принципиальным установкам и опорным общелингвистическим понятиям, далее — с точки зрения толкования таких понятий, как общекартвельский язык, историческое взаимоотношение картвельских языков, задачи реконструкции.

Однако всесторонняя оценка этой монографии требует подробного анализа как содержащихся в ней конкретных положений, касающихся истории картвельских языков, так и опорных общелингвистических понятий; затем, общих выводов, которые даны в труде, а также направления, в котором мыслится дальнейшее исследование картвельских языков. Такой подробный анализ может быть дан лишь в специальном кавказоведческом органе. Здесь остановимся на основном выводе работы и лишь кратко коснемся конкретных положений.

Основной вывод монографии «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» сформулирован в следующих двух положениях: «Можно

¹ В. М. Жирмунский, О теории советского языкознания, ИАН ОЛЯ, 1967, 1, стр. 19.

² Рецензии Г. А. Климова (ВЯ, 1966, 4), В. М. Иллича-Свитыча (ВЯ, 1966, 4), Х. Фухта (ВЯ, 1966, 6).

утверждать, что общекартвельская морфологическая система изоморфна индоевропейской морфологической системе (в интерпретации Бенвениста)» (разрядка наша. — А. Ч.)³. «Изоморфизм, выявленный между индоевропейской и картвельской морфологическими системами, ставит целый ряд новых вопросов об отношении картвельских языков к языкам индоевропейским. Отнесение картвельских и индоевропейского языков к общему типологическому классу дает основание рассматривать эти языки, как члены некоего общего языкового союза в рамках евразийской группы языков (в смысле Р. Якобсона)» (разрядка наша. — А. Ч.)⁴.

*

Прежде всего несколько слов для уяснения характера понятий: «индоевропейские языки», «союз языков».

«Индоевропейские языки» («картвельские языки») — понятие историко-генетического характера: под ним подразумеваются родственные языки. Однако существует и иное понимание: индоевропейские языки рассматриваются, как языки, объединяемые комплексом структурных признаков (Н. Трубецкой)⁵. Их всего шесть (два положительных, четыре — в негативной формулировке); шесть этих структурных признаков, по мнению Н. Трубецкого, достаточны для того, чтобы язык — независимо от его происхождения — был признан индоевропейским.

Какое из этих двух понятий имеется в виду в рассматриваемой монографии? Естественно было бы предполагать, что именно структурная интерпретация индоевропейских языков (Н. Трубецкого): она соответствует принципиальным установкам монографии. Оказывается, что нет: родственные языки, — пишут авторы, — это языки «рассматриваемые, как продукт преобразования общего языкового состояния»⁶. Несмотря на неясность выражения («общее языковое состояние») генетический момент признается исходным.

Если это так, было бы последовательным применять понятие «союза языков» не в интерпретации Р. Якобсона, а в начальном понимании данного термина у раннего Н. Трубецкого (1930) и некоторых авторов: именно это понимание может связываться с пониманием родства языков по происхождению (в «союз языков» объединяли языки, родство которых, несмотря на наличие общих черт, не доказано, стоит под вопросом)⁷. Иное дело, когда «союз языков» включает языки, исходя из общности определенных черт независимо от того, каким путем эти общие черты образовались (в результате ли контактов или совершенно независимо, как порождение общих принципов развития).

При таком понимании «союза языков» связь с историей в принципе отпадает. Поиски универсалий оказываются логически неизбежными⁸.

³ Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Система сонантов..., стр. 474.

⁴ Там же.

⁵ Н. С. Трубецкой, Мысли об индоевропейской проблеме, ВЯ, 1958, 1. См.: А. р. Чикобава, История изучения иберийско-кавказских языков, Тбилиси, 1965, стр. 394—395 (на груз. яз.).

⁶ Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, указ. соч., стр. 474.

⁷ Объединять в «союз языков» языки, история общих черт которых не установлена, — значит историческое истолкование замещать статическим понятием. О «союзе языков» в понимании Деетера см.: А. р. Чикобава, Общее языкознание. II. Основные проблемы, Тбилиси, 1945, § 102, стр. 228—230 (на груз. яз.).

⁸ Историческая лингвистика фиксировала внимание на отдельном, частном, пытаясь в дальнейшем индуктивным путем выявить общее. Философская (всеобщая) грам-

Трактовка таких понятий, как «индоевропейские языки» в плане историко-генетическом более естественно сочетается с понятием «союза языков» в первом понимании. Но это опять-таки вопрос последовательности.

*

Теперь об основном выводе исследования: картвельские языки и индоевропейские объединяются в один типологический класс. Раз нет языка, который не имел бы чего-то общего с другими языками, принципиальные возможности объединения языков (в общий типологический класс, в «союз языков») оказываются неограниченными.

Весь вопрос в том, какие признаки будут использованы как основание (для объединения языков в общий типологический класс) и насколько эти признаки являются существенными для систем соответствующих языков.

В нашем конкретном случае картвельские языки включены в один типологический класс с индоевропейскими языками на основании изоморфизма («мономорфизма») по определенным явлениям (сонанты, их дистрибутивные свойства, аблаут основ).

Допустим, что изоморфизм этот установлен бесспорно. Является ли это достаточным основанием для включения картвельских языков в один типологический класс с индоевропейскими языками? Каков удельный вес общих типологических черт и каков масштаб расхождений между картвельскими и индоевропейскими языками?

1. Выявленный изоморфизм, если даже считать его бесспорным, не дает оснований включать картвельские языки в один типологический класс с индоевропейскими языками: по ряду основных моментов между ними нет никакого изоморфизма, а, наоборот, выявляются коренные расхождения.

Имеются в виду следующие структурно-типологические черты картвельских языков: а) консонантизм, его состав (наличие троичной системы согласных), сочетание согласных; б) агглютинативный принцип строения слова: каждое грамматическое значение; выражается отдельным формантом; каждый формант имеет лишь одно значение; этим определяется весь строй морфологии картвельских языков (это давало иногда повод сближать картвельские и вообще кавказские языки с алтайскими языками); в) ведущая роль префиксации; д) использование одних и тех же аффиксов как в именных, так и глагольных основах; е) принципиальная невозможность аккузатива («прямого объекта»); ф) наличие эргатива; г) полиперсонализм (субъектно-объектное спряжение) глагола; з) эргативная конструкция предложения (наличие двух падежей субъекта — именительного и эргативного).

Таков неполный перечень явлений на различных уровнях системы картвельских языков, по которым картвельские языки коренным образом расходятся с индоевропейскими. Закрывать глаза на эти расхождения —

матика (XVIII в.) начинала с общего, аргументируя его необходимость общими категориями мысли (логическими категориями): логика («искусство мыслить», «l'art de penser»), как основа грамматики («искусство говорить», «l'art de parler»). См.: Grammaire générale et raisonnée, contenant Les fondemens de l'art de parler..., Les raisons de ce qui est commun à toutes les langues..., IV-ème éd., Paris, 1780, 1 éd.—1660). При этом, естественно, отдельное, отличное, порой очень важное, оставалось вне внимания. Современная синхронная лингвистика с поисками универсалий объективно представляет собой возврат к принципиальным установкам философской грамматики.

значит не считаться с существенными особенностями⁹ картвельских языков в плане именно структурно-типологическом.

2. Если бы в исследовании «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» существенные структурно-типологические особенности картвельских языков были бы учтены, с внутренней необходимостью встал бы вопрос о схождениях картвельских языков не с индоевропейскими, а с северокавказскими языками (абхазско-адыгской, нахской и дагестанской групп).

Быть может, эти структурные взаимоотношения трудно было установить? Эти структурные схождения устанавливать не приходится: они установлены, по крайней мере главные, еще Фр. Мюллером (в 1885 г.)¹⁰; уточнены и дополнены позднее (в 1935 г.) И. Мещаниновым¹¹.

Кавказские языки были выделены вначале по негативному признаку: кавказские языки — это неиндоевропейские, неурало-алтайские, несемитские языки Кавказа (Фр. Мюллер, 1864 г.).

В дальнейшем были выделены их типологические черты: была дана позитивная типологическая характеристика (в 1885 г.).

Характеристика эта нуждается в дополнениях и уточнениях, но даже в данном виде она дает несравненно больше оснований для включения картвельских языков «в один типологический класс» с северокавказскими языками, чем те признаки, по которым картвельские языки оказались включенными «в один типологический класс» с языками индоевропейскими. Так почему же игнорируются взаимоотношения с северокавказскими языками и фиксируется внимание на связь с индоевропейскими?

Быть может, ставить вопрос о северокавказских языках было выше возможностей авторов монографии? Думаем, что нет. Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Монография Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» вышла, как сказано, в 1965 г. Примерно через полгода в журнале «Вопросы языкознания» опубликована статья одного из авторов монографии Г. И. Мачавариани «К типологической характеристике общекартвельского языка-основы»¹². «В настоящей работе, — пишет Г. И. Мачавариани, — делается попытка охарактеризовать в общих чертах фонологическую и грамматическую системы общекартвельского языка-основы и путем сопоставления этих систем с соответствующими системами индоев-

⁹ Н. Трубецкой, давая структурное определение индоевропейских языков, выделил два признака (из шести), по которым индоевропейские языки противопоставляются кавказским: чередование согласных в роли формантов; подлежащее переходного и непереходного глагола не ставится в различных падежах. Оба признака отличают индоевропейские языки не только от северокавказских, но и от картвельских (Н. Трубецкой, Мысли об индоевропейской проблеме).

¹⁰ Fr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft, III, II Abth., 1 Hälfte, стр. 48. Фр. Мюллер выделил 8 черт: 1) бедность гласными и богатство согласными; 2) стечение согласных; 3) принцип агглютинации; 4) богатство как именными, так и глагольными формами; 5) префиксация, наряду с суффиксацией: глагол и имя строго различаются; 6) различение категорий живого и неживого, разумного и неразумного, мужского и женского родов в северокавказских языках; 7) обозначение объекта в глаголе, подобно баскскому; 8) двадцатичленная система счета (за исключением лакского, арчбского и даргинского) (стр. 48).

¹¹ И. И. Мещанинов, Проблема классификации языков в свете нового учения о языке, Л., 1934, стр. 38. У Мещанинова приводится 12 признаков; из них 11 типологических.

¹² Основной текст статьи Г. И. Мачавариани имелся еще в 1964 г.; статья эта, как говорит автор в начале статьи, является расширенным вариантом доклада «К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях» на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (см.: ВЯ, 1966, 1, стр. 3).

ропейских и горских иберийско-кавказских (северокавказских) языков, выявить структурно-типологические параллели и различия между картвельскими языками и языками двух указанных групп» (разрядка наша.— А. Ч.)¹³. Итак, горские иберийско-кавказские языки привлекаются к структурно-типологическому анализу. К каким же выводам приходит автор? В части, касающейся взаимоотношений с индоевропейскими языками, в основном к тем же, что и в монографии «Система сонантов.»; он пишет: «... бросаются в глаза разительные совпадения между общекартвельской структурной моделью и моделью индоевропейского языка — основы позднего периода» (разрядка наша.— А. Ч.)¹⁴ (наличны три основных класса фонем: гласные, сонанты, согласные); в основном одинаковые принципы строя корневых и суффиксальных морфем, причем правила сочетания корневой морфемы с суффиксальными, установленные Э. Бенвенистом для индоевропейского, почти полностью приложимы и к общекартвельскому; все виды общекартвельского аблаута (кроме чередования *e : i*) находят ближайшие параллели в индоевропейской системе чередования гласных. «Однако аблаут,— замечает Г. И. Мачавариани,— в общекартвельском несет относительно меньшую функциональную нагрузку, чем в индоевропейском»¹⁵.

Но схождениями с индоевропейскими языками вовсе не исключается структурно-типологическая близость общекартвельского языка к северокавказским языкам: «С другой стороны,— пишет Г. И. Мачавариани,— обнаруживаются многочисленные и глубокие структурно-типологические схождения между общекартвельским и северокавказскими языками» (разрядка наша.— А. Ч.)¹⁶. Автор называет ряд явлений, на которые и раньше обращалось внимание исследователей. Конкретно:

1. «Богатый и сложный общекартвельский консонантизм носит явно „кавказский“ характер, причем по составу фонем общекартвельская консонантная система тяготеет скорее к нахскому, а отчасти — к абхазско-адыгскому, чем к дагестанскому типу. Гармоничные группы согласных, столь характерные для общекартвельского, тоже находят параллели именно в нахских и абхазско-адыгских языках»¹⁷.

2. «Общекартвельское склонение, характеризуемое наличием эргативного падежа и отсутствием аккузатива, также относится к иберийско-кавказскому лингвистическому типу»¹⁸. «Для более раннего периода можно постулировать простейшую двухпадежную деклинационную модель адыгского типа, включающую прямой и косвенный падежи»¹⁹.

3. «Широкое применение префиксации является одной из наиболее ярких черт общекартвельского языка-основы, сближающих этот язык с северокавказскими языками, в первую очередь с абхазско-адыгскими. В этом отношении особенно примечательны глагольный полиперсонализм и наличие „версионных показателей“»²⁰.

4. «Картину картвельско-северокавказских языковых параллелей дополняет наличие эргативной конструкции в общекартвельском, как во всех северокавказских языках». При этом делается оговорка: «В презент-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 7.

¹⁵ Там же, стр. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Следуют ссылки на работы Н. Холмера, Арн. Чиковава, А. Sommerfeldta, А. Койперса.

¹⁸ Ссылки автором не даны, возможно, потому, что это положение общеизвестно.

¹⁹ Г. М а ч а в а р и а н и, указ. соч., стр. 8.

²⁰ Там же. Делается ссылка на работы К. В. Ломтатидае, Г. В. Рогава.

ной группе времен переходный глагол образует номинативную конструкцию, как в индоевропейских и многих других языках»²¹.

На наш взгляд, этим не исчерпываются структурно-типологические схождения между картвельскими и горскими иберийско-кавказскими языками. Категория грамматических классов, одна из основных морфологических категорий горских иберийско-кавказских языков, была налична и в картвельских языках, как то прослеживается в составе именных, и глагольных морфем; как семантическая категория она продуктивна и теперь; во всех картвельских языках вопрос «кто?» относится лишь к человеку, к личности; животные и все остальное — «что?». Налицо семантическая категория «личности» и «вещи». Соответственно, в спряжении грузинского глагола прослеживаются форманты грамматических классов: личное спряжение картвельских языков восходит к классному, что до сих пор представлено ясно в абхазском, нахском и дагестанских языках. Можно было отметить общие структурные моменты и в составе элементарных морфем. Но здесь не это важно; важно другое. Перечисленные в статье Г. И. Мачавариани структурно-типологические схождения картвельских языков с северокавказскими языками общеизвестны и не являются спорными.

Каковы же выводы автора статьи? Г. И. Мачавариани пишет: «...лингвистический тип общекартвельского языка-основы позднего периода можно определить как переходный от кавказского (преимущественно западнокавказского) к индоевропейскому» (разрядка наша. — А. Ч.)²². «Чем объяснить такой двойственный „кавказско-индоевропейский“ характер картвельского лингвистического типа?» — спрашивает автор статьи и отвечает: «Структурно-типологические черты, сближающие картвельские языки с северокавказскими, несомненно, восходят к глубокой древности, в то время как индоевропейские черты общекартвельского лингвистического типа относятся к более позднему хронологическому пласту»²³. В примечании к этому положению сказано: «Возникновение аблаута, по-видимому, явилось результатом фонологизации фонетически обусловленных альтернатив гласных. В свою очередь выделение сонантов в качестве особого, промежуточного между гласными и согласными класса фонем было связано с возникновением чередования гласных: слоговые аллофоны сонантов могли появиться только на нулевой степени огласовки морфем»²⁴.

Итак, аблаут вторичен: чередование гласных в картвельском языке поначалу представляло фонетический процесс; морфологизация — результат реинтерпретации фонетического процесса; сонанты же в свою очередь обусловлены наличием аблаута. Тем самым сказано, что на уровне

²¹ Там же. Номинативная конструкция при переходных глаголах, как выяснено в литературе, в истории грузинского языка явление вторичное: эргативная конструкция имела при переходных глаголах в обоих сериях конъюгационных основ (номинативная же — при непереходных глаголах). Таким образом, ареалы использования эргативной конструкции в картвельских и горских иберийско-кавказских языках совпадали; расхождение здесь вторично. См.: А р н. Ч и к о б а в а, Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I, «К вопросу об историческом взаимоотношении эргативной и номинативной конструкций по данным древне-грузинского языка», Тбилиси, 1948; см. также А р н. Ч и к о б а в а, Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского языка», ИАН ОЛЯ, 3, 1948.

²² Г. М а ч а в а р и а н и, указ. соч., стр. 9.

²³ Там же.

²⁴ Там же, примеч. 29.

общекартвельского языка-основы ни аблаут, ни сонанты не могли быть характерными.

Отнеся структурно-типологические схождения между картвельскими и северокавказскими языками к глубокой древности, а черты, общие картвельским и индоевропейским языкам «к более позднему хронологическому пласту» (разрядка наша.— А. Ч.), Г. И. Мачавариани заключает:

«Исходя из этого, можно допустить, что существование кавказского структурно-типологического слоя в общекартвельском языке-основе есть проявление предполагаемого исконного генетического родства картвельских языков с северокавказскими языками. На этот древнейший кавказский структурно-типологический слой постепенно накладывались черты, сближающие общекартвельский лингвистический тип с индоевропейским» (разрядка наша.— А. Ч.)²⁵.

Для решения вопроса об «исконном генетическом родстве картвельских языков с северокавказскими» языками, на наш взгляд, недостаточно структурно-типологических схождений (необходима материальная общность морфем — корневых и формальных; кстати, такая общность прослеживается). Структурно-типологические схождения, когда они выявляются в ряде существенных моментов (т. е. когда они не носят случайного характера), дают основание лишь ставить вопрос о родстве.

В выводе, к которому приходит Г. И. Мачавариани, обращает на себя внимание положение, согласно которому структурно-типологические схождения между картвельскими и северокавказскими языками «в о с х о д я т к г л у б о к о й д р е в н о с т и» (т. е. не являются результатом контакта и взаимного влияния данных языков).

Этот вывод вполне согласуется с основным положением иберийско-кавказского языкознания: вообще в картвельских и горских иберийско-кавказских языках первично, расхождия же вторичны; и, если, — говоря словами П. Услара, — кавказские языки «при изумительном разнообразии» обнаруживают «глубоко родственные черты», то именно эти родственные черты характеризуют древнее состояние²⁶.

Что же касается структурно-типологических схождений картвельских языков с индоевропейскими (с семитическими, угро-финскими, тюркскими языками), они, на наш взгляд, вообще не исключаются; более того, в прошлом делались попытки доказать даже родство картвельских языков с индоевропейскими, с семитическими (см. ниже); сближали их и с урало-алтайскими языками.

*

Как мы видели, Г. И. Мачавариани выделяет в картвельских языках структурно-типологические схождения как с индоевропейскими, так и с северокавказскими языками. Различны эти схождения как по удельному весу, так и по хронологической ступени: схождения с индоевропейскими языками незначительны, к тому же вторичны (аблаут, сонанты);

²⁵ Там же, стр. 9. Далее автор говорит, что общие с индоевропейскими языками черты могли возникнуть «...в условиях тесного и длительного контакта между племенами, говорившими на картвельских и древних индоевропейских диалектах еще до разделения общекартвельского языка-основы на самостоятельные языки» (там же).

²⁶ А. С. Ч и к о б а в а, Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения, ИАН ОЛЯ, 1958, 2, стр. 128—129; А р н. Т с х и к о б а в а, Die ibero-kaukasische Gebirgssprachen und der heutige Stand ihrer Erforschung in Georgien, «Acta orientalia Hung.», IX, 2, 1959, стр. 166—161.

схождения же с северокавказскими языками несравненно более существенны, обнаруживаются на всех уровнях языка (фонологическом, морфологическом, синтаксическом), «восходят к глубокой древности», могут быть даже рассматриваемы как «проявление предполагаемого исконого генетического родства» картвельских языков с северокавказскими.

В монографии «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» картвельские языки (на уровне общекартвельском!) включены вместе с индоевропейскими языками в общий типологический класс, а о северокавказских языках, их структурно-типологических схождениях с картвельскими языками, вопрос не ставится.

В том же 1966 г. (одновременно с опубликованием статьи Г. И. Мачавариани «К типологической характеристике общекартвельского языка-основы») в журнале Американского Лингвистического общества («Language») напечатана статья другого автора монографии Т. В. Гамкрелидзе «Типология общекартвельского»²⁷.

Как указывает автор, в статье представлены «существенные» выводы теории, изложенной в книге Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках».

Статья дает краткое изложение положений, которые находим в русском тексте монографии. О северокавказских языках и здесь ничего не сказано.

В 1967 г. в сборнике «Проблемы языкознания», изданном Институтом языкознания АН СССР и посвященном X Лингвистическому конгрессу в Бухаресте, помещена статья Т. В. Гамкрелидзе на ту же тему²⁸. Проблема взаимоотношений с северокавказскими языками и здесь обойдена молчанием: рассматривается вопрос лишь о взаимоотношении картвельских языков с индоевропейскими.

По структурно-типологическим моментам картвельские языки ближе всего стоят к горским иберийско-кавказским (северокавказским) языкам: к абхазско-адыгским, нахским, дагестанским. Если объединять картвельские языки по структурно-типологическим признакам с какой-либо группой языков, то естественно объединять их прежде всего с северокавказскими языками²⁹ (далее — из живых языков — с семитическими, но не с индоевропейскими).

Слов нет, по структурно-типологическим признакам можно сравнивать любые языки; так, например, по такому структурному признаку, как система грамматических классов, чеченский язык сравнивали с языками банту (Кавказ — Африка), абхазский язык — с языком оregonской группы североамериканских индейцев, кавказские языки — с дравидскими и т. д. Для изучения истории сравниваемых языков такие сопоставления, разумеется, не имеют никакого значения; да и в плане структурно-типологическом сопоставление (и схождение) по отдельным, выхваченным из системы языка, признакам немногого стоит для характеристики взаимоотношения сопоставляемых языков.

*

Мы подробно остановились на вопросе о структурно-типологических схождениях между различными языками, чтобы элиминировать неясно-

²⁷ Т. В. Гамкрелидзе, A typology of Common Kartvelian, «Language», 42, 1, 1966.

²⁸ Т. В. Гамкрелидзе, Картвельский и индоевропейский: типология реконструированных систем, сб. «Проблемы языкознания», 1967.

²⁹ С учетом уже теперь имеющих данных истории картвельские языки связаны с северокавказскими и генетически.

сти, которыми так изобилует современная общая лингвистика, а из специальных отраслей — изучение иберийско-кавказских языков. Это — во-первых. Кроме того, попытка включить картвельские языки в один типологический класс с индоевропейскими дает повод для весьма своеобразных высказываний. Вот что пишет, например, Г. Ахвледиани:

«Наука идет вперед, зачастую опровергая самую себя. И мы не вправе „обижаться“ на прогресс. Достижения ждут нас только на этом пути. В свое время, например, у нас была выдвинута концепция родства грузинского языка с кавказскими. Этот, как можно понять, важный поворот в картвелологии привлек пристальное внимание научной общественности. Но нашлись новые методы исследования и ученые не побоялись подвергнуть имеющуюся концепцию пересмотру. Я имею в виду высокоталантливую работу Т. Гамкрелидзе и недавно скончавшегося Г. Мачавариани „Система сонантов и аблаут в картвельских языках“, в которой с помощью метода структурального языкознания полностью опровергается концепция родства грузинского языка с кавказскими и совершенно по-новому освещается проблема общекартвельского языка-основы. Авторы убедительно доказали близость [картвельского] языка-основы к семье индоевропейских языков. Книга Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани обошла весь мир, вызвала единодушное одобрение видных зарубежных картвелологов и кавказологов»³⁰.

Если верить Г. Ахвледиани, «концепция родства грузинского языка с кавказскими» держалась до тех пор, пока «не нашлись новые методы исследования и ученые не побоялись подвергнуть имеющуюся концепцию пересмотру»; а вот «с помощью метода структурального языкознания полностью опровергается концепция родства грузинского языка с кавказскими и совершенно по-новому освещается проблема близости грузинского языка с индоевропейскими»: доказана близость общекартвельского языка-основы к семье индоевропейских языков.

Книга «Система сонантов...» вышла в 1965 г. Два года спустя, в 1967 г. в Москве опубликован сборник «Иберийско-кавказские языки», здесь во вводной статье Е. А. Бокарева и Г. А. Климова говорится: «Большинство кавказоведов предполагает исконное генетическое родство между всеми ветвями кавказских языков»³¹; родство предполагает, а не опровергает (как пишет Г. Ахвледиани).

Не только «большинство кавказоведов», но и один из авторов монографии, Г. И. Мачавариани вовсе не исключает родства картвельских языков с северокавказскими: «Структурно-типологические черты, сближающие картвельские языки с северокавказскими, несомненно, восходят к глубокой древности, в то время как индоевропейские черты общекартвельского лингвистического типа относятся к более позднему хронологическому пласту. Исходя из этого, можно допустить, что существование кавказского структурно-типологического слоя в общекартвельском языке-основе есть проявление предполагаемого исконного генетического родства картвельских языков с северокавказскими языками»³².

Вот как «опровергает» один из авторов монографии, на которую ссылается Г. Ахвледиани, «концепцию родства грузинского языка с северокавказскими!» Статья Г. И. Мачавариани появилась в 1966 г., т. е. после

³⁰ Г. Ахвледиани, Начало дороги в мир..., «Литературная Грузия», 1968, 11 (ноябрь), стр. 14.

³¹ «Языки народов СССР», IV — «Иберийско-кавказские языки», М., 1967, стр. 7.

³² Г. И. Мачавариани, К типологической характеристике общекартвельского языка-основы, стр. 9.

опубликования монографии «Система сонантов»..., которую будто бы полностью опровергается «концепция родства грузинского с северокавказскими».

Да и в самой монографии, где картвельский и индоевропейский включаются «в общий типологический класс», отмечается: «Типологическая классификация языков не предполагает необходимости каких-либо исторических связей между языками одного и того же класса. Структурное сходство (вплоть до изоморфизма) может быть обнаружено не только между родственными языками, ... но и между языками неродственными»³³.

Структурное сходство не может ни доказать родство языков, ни опровергнуть его. Наличие структурного сходства по основным звеньям системы языков может лишь возбудить вопрос о родстве их.

В том же духе, как и Г. С. Ахвледиани, высказывается и Г. А. Климов: «Традиционная картвелистика не допускала возможности исконного родства картвельских и индоевропейских языков»³⁴; а вот ностратическая гипотеза позволила «отдельным картвелистам более оптимистично смотреть на возможность генетических связей между картвельскими и во всяком случае индоевропейскими языками»³⁵. Г. А. Климов разделяет этот оптимизм. Нет этого оптимизма у него лишь в вопросе о родстве картвельских языков с северокавказскими («...гипотеза внутреннего родства кавказских языков существенно отстает... от некоторых других построений, имеющих дело со сравнением языков, отдаленное родство которых гипотетично»³⁶). Словом, для Г. А. Климова менее вероятно родство картвельских языков с северокавказскими, чем картвельских языков с индоевропейскими.

Следует отметить, что Г. А. Климов, ссылаясь на мнение Г. И. Мачавариани, обходит молчанием его тезис относительно глубоких структурно-типологических схождения картвельских языков с северо-кавказскими языками.

*

Теперь коротко о «сонантах и аблауте» в картвельских языках. Морфология картвельских языков основана на принципе агглютинации: отдельная функция — отдельный формант. Морфологические функции аблаута в картвельских языках не могут не быть вторичными (результат морфологизации фонетических процессов). Ограниченный ареал распространения аблаута также говорит о вторичном его характере (именам он чужд; наблюдается лишь в определенной группе глаголов). Возводить аблаут к общекартвельскому неправомерно. Сонанты *j*, *w* — связаны с безударностью: под ударением они замещаются полными гласными: *i*, *u*. Из наличия сонантов [*j*, *w*] не вытекает необходимость постулировать наличие (наряду с *l*, *r*, *n*) слогаобразующих *l̥*, *r̥*, *n̥*: показания картвельских языков не в состоянии поддержать такое допущение. Двухморфемные односложные основы типа [*zm-án* ← *zam-an* «брат»: *táp-l* ← *tap-al* «мед»] обусловлены действием интенсивного нефиксированного ударения³⁷.

³³ Т. Гамкрелидзе, Г. Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках, стр. 474.

³⁴ Г. А. Климов, ВЯ, 1967, 5, стр. 150.

³⁵ Г. А. Климов, О гипотезе внутреннего родства кавказских языков, ВЯ, 1968, 6, стр. 22.

³⁶ Там же.

³⁷ Существование такого ударения в древнегрузинском языке предполагал еще Г. Шухардт (H. Schuchardt, Über das Georgische, Wien, 1895, стр. 14), далее Г. Деетерс, Арн. Чикобава (об ударении и его роли в грузинском языке см.: G. Deeters, Armenisch und Südkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung,

Дистрибуция сегментов, модели распределения фонем сами требуют объяснения, прежде чем они будут использованы для объяснения каких-либо фактов.

Против суждения по аналогии с явлениями в индоевропейских (или иных) языках в принципе возражать не приходится, если они не приводят к искусственным построениям, если они помогают объяснить то, что до того было непонятно.

При анализе морфонологических явлений значение принципа флективности (в индоевропейских, семитических языках) и принципа агглютинации (в картвельских и в горских иберийско-кавказских языках) необходимо в полной мере учитывать. Генеалогическая схема картвельских языков, из которой исходят авторы «Системы сонантов и аблаута в картвельских языках» — традиционная; она не отвечает действительности. Историческое взаимоотношение картвельских языков толкуется упрощенно. Результат — неубедительные реконструкции.

*

Монография «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, написанная на высоком профессиональном уровне талантливыми авторами, прекрасно владеющими материалом, представляет собою поисковую работу. Поиски в науке необходимы. Поиски бывают удачные и неудачные. В данном случае неудача обусловлена направлением, в котором велся поиск; выбор направления был объективно неоправдан; решать существенные вопросы истории и структуры картвельских языков, ориентируя исследовательскую мысль на взаимоотношения с индоевропейскими языками, игнорируя при этом взаимоотношения картвельских языков (исторические, структурные) с горскими и иберийско-кавказскими языками, бесперспективно³⁸.

Тому учит история изучения иберийско-кавказских языков.

*

Упомянем вкратце о соответствующих фактах этой истории.

Место картвельских языков в кругу других языков пытались определить в прошлом по-разному. Франц Бопп, один из основателей сравнительного языкознания, автор первой сравнительной грамматики индоевропейских языков, считал картвельские («иберийские», как он называл) языки индоевропейскими, «кавказскими членами индоевропейской семьи языков»³⁹.

Бопп сравнивал имена числительные, местоимения, склонение имен, даже спряжение глаголов, где расхождения кардинальны, сравнивал, используя остроумнейшие доводы (в грузинском языке Бопп «установил» даже наличие аккузатива с формантом, идентичным флексии аккузатива в греческом языке). Горские кавказские языки не привлекались к сравнению: их описательных грамматик тогда не имелось.

Положение Боппа не нашло поддержки. Оно как бы убедило в обратном: к мысли о родстве картвельских («иберийских») языков с индоевропейскими впоследствии не возвращались.

«Caucasica», 3 (1926), стр. 47 и сл.; Арн. Чиковава, К вопросу об ударении в грузинском языке, «Изв. АН ГрузССР», III (1942), 2, стр. 191—198; 3, стр. 297—303.

³⁸ Установка статьи Г. Мачавариани, опубликованной вслед за выходом монографии, в этом отношении характерна: на первое место он ставит взаимосвязи грузинского языка с горскими кавказскими языками, тем самым возвращаясь к принципиальным установкам иберийско-кавказского языкознания.

³⁹ Fr. Bopp, Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes, Berlin, 1847.

Марр выступил с категорическим утверждением, что грузинский язык «по плоти и по духу», т. е. по корнеслову и формантам родствен арабскому и другим семитическим языкам (1888 г.).

В 1908 г. Марр дал первое обоснование родства картвельских языков с семитическими. Картвельские языки как родственные семитическим Марр наименовал яфетическими.

Ключ к пониманию грамматического строя яфетических языков Марр нашел в семитических языках: по образцу и подобию структуры семитических языков была истолкована структура корня, падежный состав, функции падежей, спряжение глагола в груз. языке.

Как и в семитических языках, в яфетических (картвельских) — по мнению Марра — корни слов состоят только из согласных: функция гласных — обозначать форманты. Корень состоит из трех согласных: если же в грузинском корне согласных оказывалось меньше или больше, это считалось вторичным явлением, результатом утери «слабых» согласных («спирантов» в понимании Марра) или же результатом наращения согласного... Шесть падежей грузинского языка были возведены к трем (именительному, родительному, датель-винительному); при этом родительный и творительный падежи — по гласному признаку флексии (-i-) объединялись; получалось три дательных падежа (с формантом -a-); эргативный объявляется дательным (архаическим), т. е. падежом объектным, хотя в грузинском языке этот падеж всегда выступает в роли субъекта и в глаголе обозначается субъектными формантами. Раз эргативный падеж «оказался» объектным (дательным), соответствующий переходный глагол грузинского языка был признан пассивным (соответственно эргативная конструкция — пассивной конструкцией). В переходном глаголе были «выявлены» показатели пассивности.

Таким образом, начав с общности структурных принципов, Марр устанавливал и материальную общность (идентичность) формантов.

Что же касается корнеслова, Марру, как он пишет, удалось выявить около тысячи общих корней; были установлены фонетические соответствия — согласно «семитически-яфетическим» нормам.

Сравнительная грамматика семитических и яфетических языков читалась Марром в Петербургском университете ⁴⁰.

Так было сделано «открытие», важное по своим последствиям не только для грузинского языка, грамматика которого выкраивалась на семитический лад, но и для семитических языков: яфетические и семитические языки были квалифицированы Марром как «ближайше родственные» и включены в одну поэтическую семью, как две ветви этой семьи (семитическая семья была квалифицирована как ветвь).

Объявив семитическую модель архетипом, Марр конструировал систему грузинской грамматики, неукоснительно возводя яфетический вариант к семитическому архетипу; и здесь Марр шел последовательно и до конца.

Так было на первом этапе эволюции яфетической теории (он падает на 1908—1915 гг.) ⁴¹.

Характерная деталь: Марр создавал сравнительную грамматику семитических и яфетических языков, не имея сравнительной грамматики самих яфетических языков — грузинского, чанского, мегрельского и сванского (последние три не были изучены даже в основных своих чертах).

⁴⁰ Поучительный пример того, что ни фонетические соответствия, ни сравнительная грамматика не гарантируют достоверность родства языков.

⁴¹ В 1908 г. в Петербурге вышла работа Марра «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка в связи с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими».

Марр горячо принялся за изучение чанского и затем сванского языков (изучить мегрельский было поручено И. Кипшидзе). «Грамматика чанского языка» Марра вышла в 1910 г., «Грамматика мегрельского языка» И. Кипшидзе — в 1914 г. Грамматика же сванского не была закончена разработкой: сванские материалы привели Марра к абхазскому языку, который он изучал на месте (как сванский и чанский).

С изучением абхазского языка связан новый этап эволюции яфетической теории: абхазский язык оказался также яфетическим; тем самым расширился круг яфетических языков: в него включились остальные северокавказские языки (адыгские, нахские, дагестанские).

В работе «Кавказоведение и абхазский язык» (1915 г.) Марр сделал выводы, соответствующие новому пониманию: яфетическая ветвь (включившая, кроме картвельских, абхазско-адыгскую, нахскую и дагестанские группы языков) квалифицируется уже как с е м ь я (яфетическая семья). Семитические языки также считаются не ветвью, как в 1908 г., а с е м ь е й. Родство двух ветвей одной семьи уступает место родству двух с е м е й — яфетической и семитической: проблема отношения к семитическим языкам не снимается, но теряет актуальность; в центре внимания Марра оказываются многочисленные языки яфетической семьи.

Вопрос об отношении картвельских языков к горским кавказским ставился задолго до появления яфетической теории (Усларом, Фр. Мюллером, Шухардтом).

Марру, конечно, все это было известно, но он игнорировал этот вопрос: трактуя основные вопросы грамматического строя грузинского языка в свете его отношений к семитическим, Марр (в 1908 г.) обходит молчанием проблему отношений грузинского языка с горскими кавказскими языками.

Эти последние находят место в яфетической теории с 1915 г. В 1920 г. Марр публикует работу «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры». Яфетические языки здесь признаны более древними, чем индоевропейские и семитические языки. Стало быть, яфетический, более древний, нельзя возводить к менее древнему, семитическому; тем самым вопрос о родстве яфетических языков с семитическими снимается самим Марром: теория родства яфетических языков с семитическими, жившая искусственной жизнью, изживает самое себя, от теории остается лишь термин «яфетические языки», лишенный основания.

В картвелологии не так уж редки «открытия»: первое из них было сделано Фр. Боппом (иберийские, т. е. картвельские, языки родственны индоевропейским — 1847 г.); второе принадлежит Н. Марру⁴² (картвельские языки ближайше родственны семитическим — 1888—1908 гг.); третье дано в исследовании «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» (картвельские языки входят вместе с индоевропейскими языками в один типологический класс — евразийского союза языков).

Поиски, как видим, ведутся в различных направлениях и одинаково безуспешно; причина объективная: выбор направления, в котором ведется поиск, неправилен: основные вопросы древней истории и структуры картвельских языков не могут правильно решаться, если игнорируются показания горских иберийско-кавказских языков (абхазско-адыгских, нахских, дагестанских), если обходится проблема взаимоотношения картвельских и северокавказских языков.

⁴² «Н. Марр, профессор Петербургского университета, открыл историческое родство между грузинско-мингрельско-сванской группой кавказских языков и языками семитическими», — писал И. А. Бодуэн де Куртене («Избранные труды по общему языкознанию», II, М., 1963, стр. 113).